

MAY 20 1954

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

ЗАВТРА В НОМЕРЕ

М. ВИШНЯЯ ЗЕМСКИЕ СОВОРЫ И НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
М. ФИЛЮРИН ДВЕ ВСТРЕЧИ
ТУНА ИОШЕНОВА БЕСЦВЕТНАЯ АМЕРИКА
Г. АДАМОВИЧ ПОЛЬЗА И ВРЕД «ПРИЗМА»
В. АЛЕНАНДРОВА «РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
М. НОРЯНОВ ЛИСТКИ ИЗ БЛОКНОТА

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

FOL. XLVIII, N. 16401, SATURDAY, MAY 24, 1954. СУББОТА, 24 МАЯ, 1954 ГОДА. ЦЕНА 7 СЕНТОВ

Детективная литература в России

В своей статье "Шерлок Холмс" в номере "Нового Русского Слова" от 17 апреля Г. Раковский затрагивает интересные вопросы о детективном жанре вообще и о его судьбе в СССР. Но приводимые им данные не во всем полны. Между тем, на эту тему не лишено интереса поговорить несколько подробнее.

Как и отмечает Г. Раковский отцом этого рода литературы принято считать Эдгара По за его серию рассказов, "Двойное убийство на улице Морг", "Убийство Мари Ружэ", "Украденное письмо", объединенных общим персонажем сыщика - любителем Дюпэна. В дальнейшем у По нашелся талантливый продолжатель в лице Конан Дойля, быстро завоевавшего мировой успех. Его вещи, как и рассказы Эдгара По были переведены на русский и хорошо известны у нас на родине читающей публике.

Ошибочно думать, однако, что сочинения Конан Дойля в России последних лет. Наоборот, около 1927 - 1928-го года были выпущены, видимо в новых переводах, несколько сборников рассказов о Шерлоке Холмсе ("Приключения Шерлока Холмса", "Воспоминания о Шерлоке Холмсе") и роман "Басквервильская собака". Если память мне не изменяет, то и два другие романа этого же цикла тоже - "Красное по белому" и "Знак Четырех". Они все сразу же раскупались и зачитывались до дыр; наряду с тем высоко ценились до-революционные издания Конан Дойля, содержавшие большее количество рассказов.

В то же время переводились и выпускались рассказы и романы новых авторов в той же области. Наиболее талантливым был англичанин Честертон, создавший новый тип сыщика, ка-

голического священника, патера Брауна, три или четыре сборника рассказов о котором имели у публики заслуженный успех. Патер Браун отличается от своих коллег — сыщиков тем, что его интересует не наказание, а исправление преступников, и спасение их души. Ему и удается обратить и привести к честной жизни своего долголетнего противника, блестящего грабителя Фламбо.

Переводились детективные рассказы и с других языков, например, с немецкого, книга Франка Геллера "Доктор Ц.", герой которой разгадывает преступления при помощи психоанализа. Действие происходит в Голландии, где обитает врач - психиатр Циммертор, раскрывающий таинственные убийства, похищения бриллиантов у амстердамских ювелиров, находящий за-

копанный преступниками клад, открывающий путем последовательного размышления сейф, комбинация от которого потеряна.

Были переведены некоторые романы Эдгара Уоллеса ("Таинственный сосед миллионера"). Но гораздо больше было помещено его рассказов в журнале "Вокруг Света", где часто фигурировал также Филиппс Оппенгейм, как и Уоллес, писатель среднего уровня, без основательности и логичности Коула Дойля и без психологической глубины Честертона, но способный находить острые положения и развивать занимательную интригу.

Более поздние достижения детективного жанра, как сочинения двух английских писательниц, Дороти Сайерс и Агаты Кристи, до СССР не дошли, но крайней мере до войны, да, предположим, и до сего дня.

Циркулировали также переведенные с французского романы Мориса Леблана, герой которого, Арсен Люпен, есть как бы "анти Шерлок Холмс", — гениальный преступник, обманывающий все усилия полиции. Леблан — писатель талантливый, но несколько поверхностный, не достигающий серьезности психологического анализа Конан Дойля или Честертона.

Параллельно делались попытки создать "советского Шерлока Холмса". Наиболее удачными из них были "Месс-Менд" и "Лори Лэн, металлист" Мариэтты Шагинян и "Чемодан из крокодиловой кожи" Льва Никулина. Любопытно, что в обоих случаях романы связаны с научно-фантастическим жанром. Вспоминается еще сыщик Иван Пузиков, придуманный Шинковым, роман

которого "Угрюм - Река" печатается сейчас в "Новом Русском Слове", но трактованный им скорее в юмористическом плане.

До революции в России не успела развиться отечественная детективная литература, что объясняет в значительной степени и предубеждение против всего подобного жанра, существующее у русской эмиграции, и то, что он в дальнейшем не возродился в советские времена. Из того, что было в старой России, стоит упомянуть разве что записки сыщиков Путилина и Кошко, довольно интересные, но слишком фактические и не поднимающиеся до уровня художественной литературы. Близок к этой сфере и Крестовский со своими "Санкт - Петербургскими тайнами", тоже довольно слабыми, впрочем. Было и нечто вроде "русского Арсена Люпена" в виде лубочных романов об "Антоне Кречете". — Можно,

впрочем, сказать, что лучшие вещи Достоевского, "Преступление и наказание" и "Братья Карамазовы" (а отчасти также и "Бесы" и "Униженные и оскорбленные") есть по сути дела детективные роман, только написанные на небывалом и непревзойденном уровне таланта; и на это трудно что-либо возразить.

В советскую эпоху попытки детективного рассказа все время делались, пока существовали такие журналы, как "Вокруг Света", "Мир Приключений" и "Всемирный Следопыт", регулярно печатавшие и переводы с иностранных языков в этой области. В том числе там были опубликованы и самые последние рассказы Конан Дойля о Шерлок Холмсе ("Тайна Львиной гривы" в "Мире Приключений", "Вампир из Суссекса" в "Вокруг Света").

В эмиграции стоит приветствовать чуть ли не единственный опыт детективного романа, сделанный Михаилом Байковым, выпустившим в издательство "Наша Страна" неплохую повесть "Рука майора Громова". Некоторые ее дефекты в значительной степени объясняются, видимо, отсутствием соответствующей школы и традиции в русской литературе. Между тем, к созданию их делались в СССР усилия, и нередко талантливые, во времена Нэпа, и были задвинуты только с наступлением периода коллективизации и с усилением террора.

Парадоксально, этот период породил предпосылки для создания специальной ветви детективного романа о борьбе с иностранными шпионами, вредителями и диверсантами. Но на том попрятке связанные по рукам и ногам писатели как-то не умели произвести ничего ценного. Надо отметить, как наиболее удачный, роман польского коммуниста Бруно Ясенского,

казненного в СССР и недавно реабилитированного, "Человек меняет кожу". Ближе к классическому детективному жанру были опубликованные в одном из советских журналов очерки Альтшулера о работе уголовного розыска.

Вообще же, в эмиграции как-то не знают или забывают о развитии в СССР переводной литературы в первое время после революции, так до 1929-1930-го годов. Между тем, это было явлением довольно серьезного значения. Если его не учитывать, то это развивает неверную и вредную концепцию, бытующую за границей, о том, что советские обыватели, особенно молодежь, совсем ничего не знают о Европе и Америке, об их быте, их литературе, их культурной жизни.

На деле, во времена от 1924 до 1929-го года в Советском Союзе было издано множество пе-

реводов с различных иностранных языков в самых различных литературных жанрах, в том числе очень много книг для молодежи. Там, были опубликованы исторические романы Александра Дюма (в великолепном издании "Академия", под редакцией профессора А.А.Смирнова) и Вальтер Скотта; авантурные Майн Рида; научно - фантастические Жюль Верна и Герберта Уэллса (печатавшиеся как приложение к журналу "Всемирный Следопыт"). Было издано полное собрание сочинений Джек Лондона; некоторые вещи Стювенсона ("Похищенный", "Катриона"); многие романы и рассказы Джозефа Конрада ("Случай", "Теневая черта", "Тайфун", и "Рассказы о непокое"). Очень большой успех имел английский писатель Райдер Хаггард ("Люди Тумана", "Сердце Мира", "Копи царя Соломона"). Не менее популярен был и американец Эдгар Райс Барроуз со своими романами о марсианах

(“Дочь тысячи джедаков”, “Тувиния”) и о Тарзани. Из более поздних писателей приключенческого жанра одним из любимцев читателей был канадец Джэме Оливер Кэрвуд, писавший романы о животных, как бы продолжая традицию Джэка Лондона (“Казан”, “Бродяга Севера”). Хорошо был известен и англичанин де Вэр Стэнпуд, писавший больше всего о быте южных морей. Упомянем еще, в силу неожиданной актуальности, которую теперь приобрела их тема, романы поляка Юрия Журавского о путешествии на луну, “На серебряном шаре”, “Победитель”.

Всем этим книгам обычно предпосылались выдержанные в строго коммунистическом духе предисловия, а в тексте иногда делались странные и даже смешные искажения (так, совершенно был переделан конец упомянутого выше романа “Люди Тумана”,

с переделками в тексте был издан роман Кэрвуда “У истоков реки”). По счастью, последнее было все же скорее исключением.

Перечисленные выше книги тем и важны, что их читала прежде всего молодежь, для которой эти писатели иногда были своего рода учителями жизни и властителями дум, гораздо больше, чем скучная и серая советская литература. Их героям хотелось подражать куда больше, чем героям большевистской казенной словесности. И от таких романов оставалось в общем довольно ясное и здоровое представление о западной жизни. Тогдашние подростки — теперь взрослые люди, занимающие посты в самых разных отраслях жизни страны. Подобные книги все сразу раскупались и исчезали из продажи; но можно с уверенностью сказать, что их во всех семьях берегли, давали читать друзьям, и они переходили от старших к младшим, так что

их влияние ни в какой момент полностью не прекращалось.

Для взрослых были тогда другие книги, от более или менее пошлых, как романы Вильяма Локка и Оливии Уэдди, до уточненных рассказов и романов француза Анри де Ренье, некоторые в поразительно виртуозном переводе, в силу которого они сохраняли всю прелесть подлинника. Публика инстинктивно отличала, и любила гораздо меньше произведения "прогрессивных" писателей, более или менее созвучных большевикам и всячески ими декламировавшихся. К этим последним относились Эптон Синклер, Теодор Дрейзер, Франк Норрис, Эдна Фербер и, позже, конечно, Стейнбек. Ромэн Ролан, Андре Жид, Лион Фейхтвангер — этих переводили по преимуществу уже в более поздние годы. С каждым из них советская власть имела флирт, потом разрыв, а иногда и новое примирение.

Единственный литературный жанр, который был строго под запретом, это — все касающееся мистики, сверхъестественного, потустороннего. Иногда, все же, контрабандой, переводилось и печаталось кое-что стоявшее на грани этого жанра и научной фантастики, как например "Мастер Страшного Суда" Лео Перуца или "Дом людей живых" Клода Фэррера.

В целом, тот период является в истории русской литературы особой страницей, которую не следует ни забывать ни недооценивать. Прочитанные в детстве или в зрелом возрасте, все эти книги вносили что-то в мышление подсоветской интеллигенции, и, при внимательном исследовании, их влияние, отголоски их сюжетов и приемов, можно нередко отыскать у писателей и журналистов более поздней поры.

Владимир Рудинский